

**ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ**

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 3 (39). С. 252–259

*Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 3 (39), pp. 252–259

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-252-259>, EDN: DNEUTZ

Научная статья

УДК 821.161.109-3+929Солженицын

**Особенности жанра писательских мемуаров А. И. Солженицына**

**Г. М. Алтынбаева**

Саратовский национальный исследовательский государственный университет  
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

**Алтынбаева Гульнара Монеровна**, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры  
русской и зарубежной литературы, [altynbaevagm@sgu.ru](mailto:altynbaevagm@sgu.ru), <https://orcid.org/0000-0001-5168-7138>

**Аннотация.** Обосновывается утверждение, что А. И. Солженицын расширяет возможности мемуарного жанра, синтезируя приёмы разных жанров и создавая новые способы отображения Истории. Актуальность темы исследования определяется повышенным интересом в последние десятилетия к мемуарам XX в., в частности к мемуарам Солженицына, который правду истории считает приоритетом, а полноту материала и полифоничность его подачи – необходимыми требованиями. Определение природы мемуарных жанров, которые встречаются в творчестве Солженицына, выявление в них традиционных форм и новаторских, а также обоснование полижанровости как признака «новой художественности» писателя – всё это входило в задачи исследования, цель которого – представить своеобразие жанра писательских мемуаров у Солженицына. Основной проблемой солженицынских мемуаров является одновременное присутствие в тексте не только признаков традиционных мемуаров, но и черт документальных, публицистических, художественных, разговорных жанров, их пересечение и синтез. Кроме того, всё творчество Солженицына может быть интерпретировано как метамемуарный текст, в основе которого биография писателя и история России XX в., связанные неразрывно. Отдельный аспект изучения солженицынского мемуарного текста составляет анализ образа автора и диалога с читателем. В статье анализируются жанровые уровни: композиционный, проблемно-тематический, стилистический. Основными приёмами, которыми исследованы мемуарные тексты Солженицына, стали приёмы сопоставительного, имманентного, интратекстуального анализа. Результаты предлагаемого исследования могут быть использованы при изучении творческого метода А. И. Солженицына и мемуаров как *non-fiction*. Основные выводы указывают на системность и последовательность позиции Солженицына, и в мемуарных жанрах не отступающего от слова правды, от стремления к Истине.

**Ключевые слова:** А. И. Солженицын, «Бодался телёнок с дубом», «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов», «Воспоминания», писательские мемуары, синтез жанров, литература

**Для цитирования:** Алтынбаева Г. М. Особенности жанра писательских мемуаров А. И. Солженицына // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 3 (39). С. 252–259. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-252-259>, EDN: DNEUTZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**The genre features of A. I. Solzhenitsyn's memoirs**

**G. M. Altynbaeva**

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

**Gulnara M. Altynbaeva**, [altynbaevagm@sgu.ru](mailto:altynbaevagm@sgu.ru), <https://orcid.org/0000-0001-5168-7138>

**Abstract.** The article justifies that A. I. Solzhenitsyn expands the potential of the memoir genre by synthesizing techniques of different genres and creating new ways of displaying History. The growing interest in the memoirs

of the 20th century, in particular in Solzhenitsyn's memoirs, in recent decades makes the research topical. Solzhenitsyn considers the truth of history as a priority, and the completeness of the material and polyphony of its presentation as necessary requirements. The research aims at presenting the originality of Solzhenitsyn's memoirs. The objectives of the research include determining the nature of the memoir genres in Solzhenitsyn's works, identifying traditional and innovative forms in them, as well as substantiating polygenre as a sign of the writer's "new oeuvre". Simultaneous presence of not only the signs of traditional memoirs, but also documentary features, journalistic, fictional, speech genres, their overlapping and synthesis in the text is the main problem of Solzhenitsyn's memoirs. In addition, Solzhenitsyn's heritage can be interpreted as a meta-memoir text, based on inextricably linked writer's biography and Russian history of the 20th century. A separate aspect of Solzhenitsyn's memoir lies in the analysis of the author's image and the dialogue with the reader. All genre levels – compositional, problem-thematic, stylistic – are involved in the research. Solzhenitsyn's memoirs were studied by the methods of comparative, immanent, intratextual analysis. The results of the research can be used to study A. I. Solzhenitsyn's creative method and the memoirs as non-fiction. The major conclusions point to the consistency of Solzhenitsyn's position, who does not move away from the word of truth, from the desire for Truth even in memoir genres.

**Keywords:** A. I. Solzhenitsyn, "The Oak and the Calf", "Between Two Millstones", "Memoirs", writer's memoirs, synthesis of genres, literature and document

**For citation:** Altynbaeva G. M. The genre features of A. I. Solzhenitsyn's memoirs. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 3 (39), pp. 252–259 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-252-259>, EDN: DNEUTZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

## Введение

В работе М. М. Бахтина «Проблема речевых жанров» мы обратили внимание на размышления о сложном взаимодействии первичных и вторичных речевых жанров «в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения» [1: 161], о неизбежном влиянии вторичных (сложных) речевых жанров на первичные (простые): «Эти первичные жанры, входящие в состав сложных, трансформируются в них и приобретают особый характер: утрачивают непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям» [1: 161]. Анализ мемуарных книг А. И. Солженицына [2–7], которые в равной степени содержат черты и первичных, и вторичных жанров, показал [8–10], что эти наблюдения Бахтина применительно к мемуарным текстам XX – XXI вв. могут быть конкретизированы. С точки зрения жанровой природы мемуарные тексты Солженицына не вписываются в строгие рамки воспоминаний. Связано это не только с материалом (воспоминания о личной жизни, о жизни семьи, о жизни писателя-подпольщика в СССР и писателя-изгнанника на Западе и после возвращения на родину, о прошлом и настоящем России и мира), но и с самой личностью Солженицына (его жизнь и деятельность, художественный метод писателя, особое сближение его этической и эстетической позиций, его «мировое зрение»).

## Основная часть

### 1. Синтез жанров

А. И. Солженицын назвал литературные мемуары «вторичной литературой» и поставил их «значительно ниже литературы первичной» [2: 5]. Свою задачу он видел в следующем: «Я всё это пишу для общей истины, а не о себе вовсе» [2: 55]. Писать «для общей истины» станет одним из метапоэтических принципов Солженицына.

Три свои мемуарные книги: «Бодался телёнок с дубом», «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» и «Иное время – иное бремя» – А. И. Солженицын назвал «очерками»: «очерками литературной жизни», «очерками изгнания» и «очерками возвратных лет». Но «очерки» эти обладают не только чертами мемуаров. Солженицын соединил в этих книгах приёмы и стиль художественных, документальных, публицистических, литературно-критических, разговорных жанров, жанра «в лаборатории писателя» и др. Синтез жанров – один из метапоэтических принципов Солженицына. Примечательно, что ни один текст Солженицына, строго говоря, не укладывается в рамки какого-то одного жанра, так как всегда «материал диктовал» писателю (в этом он признавался в интервью и в «Дневнике Р-17») выбор форм (документальных и художественных) и способов их подачи. Солженицын, через все тексты идя к своему главному труду – «Красному Колесу», неизменно следовал своему творческому принципу «комбинирования жанров» прежде

всего ради адекватного читательского восприятия.

В 2018 г. стало известно, что летом 1985 г. Солженицын написал «Воспоминания», которые сейчас по большей части уже доступны читателю [5–7]. Они охватывают биографию писателя за 1918–1957 гг. «Воспоминания» Солженицына, как и его мемуарные книги, не ограничены только последовательным изложением жизни и деятельности писателя. Это тоже полижанровая форма. Во-первых, они хронологически встраиваются в мемуарные книги, так как, по словам самого Солженицына, писались с целью «рассказать о своей жизни – в той части, где она не перекрывается с “Телёнком”» [5: 5], во-вторых, и этот труд создавался «для общей истины».

Примечательно, что в ходе воспоминаний Солженицын не раз задумывается и о самом жанре мемуаров. Показательно в этой связи его признание, сделанное на страницах «Телёнка» весной 1967 г.: «Вот, оказывается, какое липучее это тесто – мемуары: пока ножки не съёжишь – и не кончишь. *Ведь всё время новые события – и нужны дополнения.* И сам себя проклиная за скучную *обстоятельность*, трачу время читателя и своё. Ни с чем не могу сравнить этого состояния – облегчения от высказанного. Ведь надо почти столетия гнуть, гнуть, гнуть, молчать, молчать, молчать, – и вот распрямиться, *рявкнуть* – да не с крыши, не на площадь, а на *целый мир*, – чтобы почувствовать, как вся успокоенная и стройная вселенная возвращается в твою грудь. И уже ни сомнений, ни метаний, ни раскаяния, – чистый свет радости! *Так надо было!* так давно было надо! И до того *осветилось всё восприятие мира*, что даже благодущие заливают, хотя ничего не достигнуто (курсив мой. – Г. А.)» [2: 175].

В основе системы соединения форм у Солженицына, по нашему наблюдению, лежат его основные творческие принципы: во-первых, что с чем соединить и как – зависит от материала, над которым писатель работает; во-вторых, синтез традиционных и при необходимости создание новых форм – во имя идеи, но не «во имя пустоты»; в-третьих, в основе синтезирования всегда задача автора – наиболее рельефно подать фактический материал ради полноценного читательского восприятия.

Кроме того, необходимо сказать об очень важной особенности синтезирования жанров у Солженицына. По убеждению писателя, «граница между жанрами должна быть чёткая. Неопределённость их – это уже доля современного вавилонского смешения искусств» [11: 27], т. е. должно быть не только органичное соединение разных форм, но чёткое представление о каждой, так как именно это позволяет

наиболее точно и неприметно на первый взгляд, а в то же время на пользу материалу сводить жанры.

Мемуарные книги Солженицына соответствуют мемуарному жанру, в них представлены хронологически выстроенные записи о реальных событиях, связанных с жизнью и деятельностью писателя. Все мемуары, а также фрагменты художественных текстов, интервью, дневника дают читателю Солженицына возможность составить подробную биографию писателя и историю России 1918–2008 гг.

Полифоничность мемуарам придают публицистические жанры (интервью, речи), письма, включённые в Приложение, попутные примечания и комментарии, а также литературно-критические очерки и кинокритические. Динамичность повествования организуется через элементы разговорных жанров (беседа, спор, диспут), острота поднимаемых вопросов и проблем создаётся благодаря приёмам иронии, самоиронии и сатиры, а также через метафоры и сравнения. Так проявляется Солженицын – сторонник «живого дыхания речи». И, конечно, когда автор мемуаров – писатель, ожидаемы размышления о своем творчестве, о писательском труде, составляющие жанр «в творческой лаборатории». Все эти жанры органично соединяются и пересекаются в мемуарных книгах Солженицына не только на уровне композиции и сюжета: при объединении жанров писателем берётся в расчёт и стиль повествования, передачи материала, и ритм привлекаемых жанров. Выбор и способ включения разных жанров в состав мемуаров определялся материалом, как и всегда в творческом процессе Солженицына.

Читая мемуарные книги Солженицына, мы видим, что, несмотря на доминирование жанра мемуаров, другие жанры в равной степени с ним выполняют задачу составить полноценное представление о реальных событиях, сохраняя и свои родо-видовые признаки, и свободу передать события по своим жанровым законам.

## 2. Метатекст воспоминаний

С одной стороны, в мемуарных книгах «Бодался телёнок с дубом» и «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» Солженицын представил хронологически выстроенные заметки об общественно-литературной жизни, в которой он участвовал в СССР и на Западе, записи различных бесед, заседаний, встреч, выдержки из писем, обращений, статей и т. п. Очерки включают и образы эпохи, зафиксирована обстановка жизни и творчества писателя (в первой книге – в Советском Союзе, во второй книге – на Западе). В книге «Иное

время – иное бремя», которая пока лишь фрагментарно доступна читателю, представлены воспоминания Солженицына о 1994–1999 гг., когда после возвращения в Россию он много путешествовал по стране, общался с людьми, ощущая «взаимную близость с народной массой», выступал в СМИ и перед политиками. С другой стороны, среди всех этих хронологически выстроенных заметок о литературной и общественно-политической жизни, в которой принимал участие Солженицын, присутствуют и подробные заметки об истории русских городов и жизни русских людей прошлого, и конкретные высказывания писателя о художественном творчестве. Для читателя открываются моменты творческого процесса писателя, выявляется его точка зрения на необходимые составляющие художественного произведения (формальные и содержательные) и писательского труда (очевидные и желаемые).

«Воспоминания» передают не только жизненный путь Солженицына, но и его формирование как художника: круг чтения, повлиявший на взросление, «страсть к театру», увлечение музыкой, любознательность, наблюдательность, толчки в «патриотическом направлении», путь к вере, «сильные удары чувств» от открывающейся правды истории, но и, спустя годы, неудачи – «запущенная моя беда» (например, «ненаправленность чтения»).

Ценны для читателя Солженицына его признания: «почему-то, откуда-то, никем не сказанное, не навеянное, ничем не обоснованное, во мне к девяти годам взросло ясное убеждение, что я должен стать писателем и буду им. <...> Сказать что-нибудь важное людям? Но у меня ничего такого не было в душе. Однако сознание возникло – и мне остаётся это удивительным» [5: 29]; «ни по какой чёрточке, ни по какой искорке нельзя предсказать, что из этого юноши может выйти писатель. Кроме необъяснимой уверенности и напора – ничего. Ничто из моего происхождения, ничто коренное и особенное моей непротяжённой жизни – не вступает в то, что я пишу. Пожалуй, моё только вот противопоставление Любви и Долга» [6: 34]; «Как ни много занятий, но по вечерам меняется настроение, расступается душа – хочется наконец писать. И я беру чистую тетрадку, зажимаю глаза, дышу, воображаю – ухожу подальше ото всей известной мне жизни, написать надо ведь что-то необыкновенное!» [6: 44]. Если в воспоминаниях о детстве, школе фиксируются только первые попытки Солженицына писать («шутейное писательство», «литературное копошение», «писательская жажда», «писательское увле-

чение», «дешёвая стандартная литературщина»), то в главе «Юность» перед нами он – автор, параллельно с учёбой в Ростовском университете, уже активно пишущий, точно знающий будущую писательскую цель, подготовленную «неостывающей страстью к политике», – «написать большую историческую эпопею о российской революции» [7: 7].

Мемуарные книги Солженицына дополняются фрагментами его воспоминаний о своей жизни, приводимых в интервью и в «Дневнике Р-17». Оттуда мы узнаём детали и эпизоды, о которых не сказано в больших мемуарах. Солженицын признавался, что ничего не забыл, просто «понесло течением» (см., например интервью Жоржу Сюферу для журнала «Ле Пуэн» в декабре 1975 г.).

«Воспоминания» являются и источником прототипических черт героев Солженицына. В ходе воспоминаний или в примечаниях Н. Д. Солженицыной порой указывается, биография какого героя произведения вообразила историю реального человека или взята из жизни самого писателя, как и некоторые реальные сюжеты из жизни переходили на страницы прозы и т. п.

Исследователи творчества Солженицына признают наличие мемуарного нарратива в «Архипелаге ГУЛаг», в прозе, «Дневнике Р-17». При прочтении всего корпуса текстов Солженицына становится очевидным, что всё это в совокупности единый метатекст воспоминаний Солженицына: заявленная в «Одном дне Ивана Денисовича» позиция правды повествования, закреплённая публицистическим словом «Жить не по лжи», в полной мере воплощается в автобиографических и автопсихологических героях, в сюжетных пересечениях фрагментов биографии Солженицына и сюжетов его произведений, которые легко хронологически выстроить, чтобы дать возможность читателю дополнить деталями жизнь писателя через жизнь его героев: юность – начало «Люби революцию», военная биография Солженицына – «Желябугские Выселки», «Адлиг Швенкиттен», лагерно-тюремный этап жизни – «Дороженька», «Один день Ивана Денисовича», «В круге первом», болезнь Солженицына – «Правая кисть», «Раковый корпус», возвращение из ссылки – «Матрёнин двор». В то же время повторение прямых публицистических высказываний Солженицына внимательный читатель может услышать и в речах его героев. И сам писатель признавался, что его биография – в его книгах: «Я столько лучшего и главного отдал в произведения, что цельной биографии у меня принципиально не может быть» [5: 5].

Внешние и внутренние трудности мемуариста Солженицын усматривает и у своих

героев. Маршал Г. К. Жуков – не близкий ему герой, но рефлексия мемуариста сближает героя и автора. В двучастном рассказе «На краях» сюжет строится на несобственно-прямой речи героя – Жукова-мемуариста, представляющей собой одновременно и воспоминания генерала, которые он записывает в мемуарах, и его тревоги, сомнения, попутные размышления о жизни и истории и о том, как правильно это всё описать: «Считается, что с семидесяти лет вполне уместно и прилично писать мемуары. А вот досталось: начал и на семь лет раньше. В тишине, в ненужности – чем и заняться? Год за годом вынужденный и томительный досуг» [12: 306]. И сам Солженицын приступает к «Воспоминаниям» в 66 лет.

«А даже, по ряду соображений, и нельзя не написать. Для истории – пусть будет. <...> А потому торопятся, что хотят пригрести славу к себе. А неудачи свалить на других. Нечестно. Но – и работища же какая невыполочная! От одного перебора воспоминаний разомлеешь. Какие промахи допустил – береждут сердце и теперь. Но – и чем гордишься. Да ещё надо хорошо взвесить: о чём вообще *не надо* вспоминать. А о чём можно-то в каких выражениях. Можно такое написать, что и дальше погоришь, потеряешь и последний покой» [12: 307]; «И – никак не пришла б ему в голову такая пустячная забава, как писать *Воспоминания*» [12: 327]. По стилистике повествование очень напоминает и солженицынского «Телёнка» и «Зёрнышко»: непрерывно длящиеся воспоминания, попутные размышления, уточнения в скобках, порой внутренний спор с собой или со своими «оппонентами» и даже корректировки событий прошлого с позиции опыта настоящего. В мысли-сомнения героя автор добавляет объяснение «главной трудности мемуаров»: «(Хоть вообще брось их писать? ..) <...> И – как теперь написать об этом честно и достойно?» [12: 310], «как?? вот как – об этом всё можно писать? И – вообще можно ли?» [12: 315]. Солженицын и его герой-мемуарист убеждены, что при написании мемуаров, особенно об истории, «надо ответственность свою понимать» [12: 330]. Об ответственности как одной из принципиальных задач, которые искусство и действительность в XX в. ставили перед художником, Солженицын заявлял в «Нобелевской лекции»: «ответственность за всё написанное, нарисованное, за воспринимающие души» [13: 18]. Ещё одно правило, которому следовал Солженицын и которым наделил своего героя, – «писать надо – истинную правду» [12: 330]. Но герой, в отличие от его автора, не смог жить не по лжи, потому что «это будет и политически неправильно» [12: 332]. Герой

Жуков хотел писать «просто сам для себя, тихо, покойно», но потом редакторам «уступал и переделывал», чтобы напечатали. Интересно размышление Солженицына о жанре мемуаров: «Труд воспоминания так, оказывается, велик и утомляет, что перу остаётся меньше художественной и языковой свободы, чем при романе. Не ожидал. Пишу – просто как дышится, безо всяких приёмов... почти не как литературное произведение, да и не для печати» [5: 5].

Солженицын решается начать писать мемуары, как и его герой Жуков, потому что клеветы и неправды о его жизни слишком много («многие, многие маршалы и генералы кинулись писать свои мемуары и издавать их. И Жуков поражался их взаимной ревности, как они выставляли себя и старались отобрать честь от соседей, а свои неудачи и промахи – валить на них же. <...> И уж на Жукова, зная, что он беззащитен, кто только не нарекал» [12: 329]). Неоднократно в «Зёрнышке» Солженицын поднимает тему клеветы в свой адрес («Клевета что уголь – не обожжёт, так замарает») и приходит к необходимости «описывать охватно всю жизнь»: «А на мою жизнь уже столько наклеветано, и в крупном и в мелком, что приходится и в этом всё копощении здесь разбираться – хотя бы только для моих сыновей да будущих внуков» [3: 593].

Не будучи как писатель сторонником мемуарных повествований, Солженицын-читатель любил мемуары. Он – основатель книжной серии «Всероссийская мемуарная библиотека», открывая которую сказал: «Самые “простые” жизни в наше время прикоснулись к чему-то неповторимому, несут в себе важный осколок истории, иногда только этот один человек; но не *записав пережитого*, не *сообщив однокземцам* – унесут в беспомысленность. Однако большая часть таких воспоминаний обычно не пишется – из неверия в свои силы, из неясности цели (курсив мой. – Г. А.)» [14: 471].

В критическом отзыве о мемуарах Эренбурга и Паустовского Солженицын упрекал их, «писателей, видевших большую мрачную эпоху» [2: 16], в нежелании «сказать нам ничего главного», «чтоб мы дольше не видели истины». За резкой оценкой выявляются и условия, при которых Солженицын сам берётся за мемуары: личный жизненный опыт и желание сказать современникам главную правду, несмотря ни на какие препятствия. И ещё: в публицистике Солженицын называет два свойства, определяющие ценность мемуаров. Это плотность мемуарного материала и общий к нему интерес. В обращении к первым русским эмигрантам Солженицын замечает, что для воссоздания истории важны

личные воспоминания и личный опыт каждого человека [15].

Ценность мемуарных книг Солженицына очевидна и для изучающего биографию и творчество писателя, и для того, кто знакомится с историей, культурой и повседневной жизнью эпохи Солженицына и времени событий в его книгах. Юрий Кублановский сказал, что «яркое свойство солженицынских мемуаров – предельная концентрация повествования, чрезвычайно высокий удельный вес каждого предложения и пассажа, умение одним штрихом точно запечатлеть человека, в относительно небольшие объёмы – вместить и публицистику, и полемику, и пейзаж, и лирику, и откровенную исповедь. Писательская речь работает “на сжатие”, читательскому сознанию лениться тут не приходится. Солженицын вводит нас в самую “лабораторию”, где формируется его миропонимание» [16: 91].

На уровне проблематики ещё более ожидаемо, что все «мемуарные» тексты Солженицына составят единый метатекст, одно речевое высказывание, исходящее из платоновского триединства и устремлённое, во-первых, нести слово правды истории, биографии, во-вторых, побуждать к искренности, открытости, прямоте в противовес «игре на струнах пустоты», в-третьих, полагаться на искусство, «мировое зрение» писателя, способное различить добро и зло, правду и ложь, настоящее и подделку. Рефреном звучит через всё творчество Солженицына убеждённая публиковать слово правды, чтобы не выглаживалась память, чтобы «горе наше не ушло вместе с нами бесследно, но сохранилось бы для русской памяти, остерегая на будущее» [14: 473].

### **3. Роль автора и место читателя в мемуарном дискурсе**

Солженицын называл воспоминания «сгустком народной памяти и опыта», «материалом из жизни нашего народа в XX веке», утверждал, что «воспоминания могут быть отрывочны; могут включать, и это ценно, собственные взгляды, выводы, объяснения авторов» [13: 472].

Ю. Кублановский, давая характеристику Солженицыну-мемуаристу, сказал, что это «человек, совмещающий сердечный порыв и стратегические задачи, непосредственность и алмазную твёрдость характера, неутомимую жажду уединения и темперамент бескорыстного публициста. Солженицыным движет исконное русское правдолюбие» [15: 93].

Мемуарные книги Солженицына полифоничны не только благодаря их полижанровости. Многоголосие выстраивается с помо-

щью авторских комментариев, сопровождающих основной текст, а также помещённых в скобки [9], в примечания, с помощью риторических приёмов и графических средств. Причина функционального разнообразия авторских высказываний объясняется желанием Солженицына – донести рельефный материал до читателя.

Обязательный учёт читательского внимания, на наш взгляд, является ещё одним важнейшим аргументом в пользу исключительности мемуарных жанров в творчестве Солженицына. Классический жанр мемуаров предполагает только «горизонтальное» восприятие истории, автор мемуаров предлагает читателю в завершённом, одностороннем изложении свое видение событий. В случае Солженицына такая модель неприемлема. Во-первых, особая солженицынская полифоничность предполагает разные точки зрения на события. Во-вторых, отношения с читателем, о которых Солженицын неоднократно говорил в интервью, писал в мемуарных очерках и в «Дневнике Р-17», выстраивают диалог с собеседником-соотечественником. Так в мемуарном дискурсе Солженицына, помимо «горизонтальной», создается «вертикальная» модель взаимодействия: не только прочитать, но и включиться в диалог, принять уроки истории.

### **Выводы**

Каждый жанр, в том числе и мемуарный, при всех его возможностях, ограничен пределами его потенциала. Солженицын, преследуя цель донести до читателя материал во всей его полноте и так привлечь собеседника-читателя к диалогу, нашёл наиболее продуктивный способ – идти не за жанром, а за материалом. Но опасности, о которых предупреждал М. М. Бахтин при восприятии речевых жанров, Солженицын избежал, его мемуарные жанры сохранили «непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям». Он, как мы видим, имел «отчётливое представление о природе высказывания вообще и об особенностях различных типов высказываний (первичных и вторичных), то есть различных речевых жанров» [1: 162], и о природе высказывания и особенностях жанровых разновидностей речи. Хорошо понимая возможности первичных и вторичных речевых жанров и не стремясь специально создавать новые мемуарные жанры, писатель, с одной стороны, использовал весь их «мемуарный» диапазон, с другой стороны, выделил важнейшие узлы жанровых пересечений и так синтезировал жанры, показав, на что ещё способны мемуары, когда их цель – рас-

сказать не личную историю, а Большую Историю – историю русской революции, историю ГУЛага, историю России. М. М. Бахтин писал: «Самое взаимоотношение первичных и вторичных жанров и процесс исторического формирования последних проливают свет на природу высказывания (и прежде всего на сложную проблему взаимоотношения языка и идеологии, мировоззрения)» [1: 162]. А. И. Солженицын, благодаря дару «мирового зренья», в мемуарных жанрах говорил

о судьбе не только России, но всего XX века, и прогнозировал пути развития человечества и неизбежные катастрофы XXI века.

Слова М. М. Бахтина о том, что в каждую эпоху развития литературного языка тон задают определенные речевые жанры, подтверждаются и взаимодействием А. И. Солженицына с мемуарным жанром, подчиненностью этого жанра «воздуху времени» и его способностью в полной мере это время передать.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 7 т. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М. : Русские словари; Языки славянской культуры, 1997. С. 159–206.
2. Солженицын А. И. Собрание сочинений : в 30 т. Т. 28 : Бодался телёнок с дубом: очерки литературной жизни. М. : Время, 2018. 768 с.
3. Солженицын А. И. Собрание сочинений : в 30 т. Т. 29: Угодило зёрнышко промеж двух жерновов: очерки изгнания. М. : Время, 2021. 880 с.
4. Солженицын А. Иное время – иное бремя: очерки возвратных лет (1994–1999) <отрывки> // Труд. 2003. 4 декабря (№ 226). С. 10; Литературная газета. 2006. 21–27 июня (№ 24 (6074)). С. 1, 8; 28 июня – 4 июля (№ 25–26 (6075)). С. 8.
5. Солженицын А. Из наследия. Воспоминания. Детство / публ., подг. текста и прим. Н. Д. Солженицыной // Солженицынские тетради: Материалы и исследования: [альманах]. Вып. 6 / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; [гл. ред. А. С. Немзер]. М. : Русский путь, 2018. С. 5–34.
6. Солженицын А. Из наследия. Воспоминания. Школа / публ., подг. текста и прим. Н. Д. Солженицыной // Солженицынские тетради: Материалы и исследования: [альманах]. Вып. 7 / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; [гл. ред. А. С. Немзер]. М. : Русский путь, 2019. С. 5–48.
7. Солженицын А. Из наследия. Воспоминания. Юность / публ., подг. текста и прим. Н. Д. Солженицыной // Солженицынские тетради: Материалы и исследования: [альманах]. Вып. 8 / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; [гл. ред. А. С. Немзер]. М. : Русский путь, 2021. С. 5–48.
8. Алтынбаева Г. М. Книги А. И. Солженицына «Бодался телёнок с дубом» и «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» как новый тип современной отечественной мемуаристики // Poetica: инновационные идеи молодых учёных-филологов: межвуз. сб. науч. тр. Ставрополь : Ставропольское кн. изд-во, 2007. 288 с. С. 214–221.
9. Алтынбаева Г. М. Комментарий в скобках как способ проявления авторской личности в «очерках литературной жизни» «Бодался телёнок с дубом» А. И. Солженицына // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 81–84. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-81-84>
10. Алтынбаева Г. М. Эстетика А. И. Солженицына: теоретическая рефлексия и художественная практика: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2022. 412 с.

11. Солженицын А. Три отрывка из «Дневника Р-17» // Между двумя юбилеями (1998–2003): Писатели, критики и литературоведы о творчестве А. И. Солженицына: альманах / сост. Н. А. Струве, В. А. Москвин. М. : Русский путь, 2005. С. 9–28.
12. Солженицын А. И. Собрание сочинений : в 30 т. Т. 1: Рассказы и крохотки. М. : Время, 2006. 672 с.
13. Солженицын А. И. Нобелевская лекция // Солженицын А. И. Собрание сочинений : в 9 т. Т. 7: В Советском Союзе. 1967–1974; На Западе. 1974–1989. М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. 512 с. С. 17–33.
14. Солженицын А. И. Всероссийская мемуарная библиотека. Обращение к российским эмигрантам (сентябрь 1977) // Солженицын А. И. Публицистика : в 3 т. Т. 2: Общественные заявления, письма, интервью. Ярославль : Верхн.-Волж. кн. изд-во, 1996. С. 471–473.
15. Солженицын А. И. Обращение к русским эмигрантам, старшим революции (декабрь 1975) // Солженицын А. И. Публицистика : в 3 т. Т. 2: Общественные заявления, письма, интервью. Ярославль : Верхн.-Волж. кн. изд-во, 1996. С. 315–317.
16. Кублановский Ю. Солженицын в изгнании // Между двумя юбилеями (1998–2003): Писатели, критики и литературоведы о творчестве А. И. Солженицына: альманах / сост. Н. А. Струве, В. А. Москвин. М. : Русский путь, 2005. С. 90–93.

## REFERENCES

1. Bakhtin M. M. The problem of speech genres. Bakhtin M. M. *Collected works : in 7 vols. Vol. 5: Works of the 1940s-early 1960s*. Moscow, Russian dictionaries, Languages of Slavic culture, 1997, pp. 159–206 (in Russian).
2. Solzhenitsyn A. I. *Collected works : in 30 volumes. Vol. 28: The Oak and the Calf*. Moscow, Vremya, 2018. 768 p. (in Russian).
3. Solzhenitsyn A. I. *Collected works : in 30 volumes. Vol. 29: Between two Millstones*. Moscow, Vremya, 2021. 880 p. (in Russian).
4. Solzhenitsyn A. Another Time, Another Burden: Essays on Returning Years (1994–1999) <excerpts>. *Trud*, 2003, December 4 (No. 226), pp. 10; *Literaturnaya gazeta*. 2006, June 21–27 (No. 24 (6074)), pp. 1, 8; June 28 – July 4 (No. 25–26 (6075)), pp. 8 (in Russian).
5. Solzhenitsyn A. From heritage. Memories. Childhood. The text and notes prepared and published by N. D. Solzhenitsyna. *Solzhenitsyn's notebooks: The Materials and the researches: (almanac)*. Vol. 6. Moscow, Russian way, 2018, pp. 5–34 (in Russian).
6. Solzhenitsyn A. From heritage. Memories. School. The text and notes prepared and published by N. D. Solzhenitsyna. *Solzhenitsyn's notebooks: The Materials and*

*the researches: (almanac)*. Vol. 7. Moscow, Russian way, 2019, pp. 5–48 (in Russian).

7. Solzhenitsyn A. From heritage. Memories. Youth. The text and notes prepared and published by N. D. Solzhenitsyna. *Solzhenitsyn's notebooks: The Materials and the researches: (almanac)*. Vol. 8. Moscow, Russian way, 2021. pp. 5–48 (in Russian).

8. Altynbaeva G. M. Books by A. I. Solzhenitsyn “The Oak and the Calf” and “Between Two Millstones” as a new type of modern Russian memoirs. In: *Poetica: Innovative ideas of young philologists: Interuniversity proceedings*. Stavropol, Stavropol Books Publishing House, 2007, pp. 214–221 (in Russian).

9. Altynbaeva G. M. A Commentary in Parentheses as a Means of Manifesting the Author's Personality in the Memoir Book by A. I. Solzhenitsyn The Oak and the Calf. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 81–84 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-81-84>

10. Altynbaeva G. M. A. I. Solzhenitsyn's Aesthetics: theoretical reflection and artistic practice. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Saratov, 2022. 412 p. (in Russian).

11. Solzhenitsyn A. Three excerpts from the “Diary R-17”. In: *Struve N. A., Moskvina V. A., comp. Between two anniversaries (1998–2003): Writers, critics and liter-*

*ary critics about the work of A. I. Solzhenitsyn: almanac*. Moscow, Russian way, 2005, pp. 9–28 (in Russian).

12. Solzhenitsyn A. I. *Collected works : in 30 volumes. Vol. 1: Stories and Krokhotki*. Moscow, Vremya, 2006. 672 p. (in Russian).

13. Solzhenitsyn A. I. Nobel lecture. *Solzhenitsyn A. I. Collected works : in 9 volumes. Vol. 7: In The Soviet Union. 1967–1974; In The West. 1974–1989*. Moscow, Terra-Knizhnyi klub, 2001, pp. 17–33 (in Russian).

14. Solzhenitsyn A. I. All-Russian memoir library. Appeal to Russian emigrants (September 1977). *Solzhenitsyn A. I. Publicism : in 3 volumes. Vol. 2: Public statements, letters, interviews*. Yaroslavl, Upper-Volga Book Publishing House, 1996, pp. 471–473 (in Russian).

15. Solzhenitsyn A. I. Appeal to Russian emigrants, elders of the revolution (December 1975). *Solzhenitsyn A. I. Publicism : in 3 volumes. Vol. 2: Public statements, letters, interviews*. Yaroslavl, Upper-Volga Book Publishing House, 1996, pp. 315–317 (in Russian).

16. Kublanovskiy Yu. Solzhenitsyn in exile. In: *Struve N. A., Moskvina V. A., comp. Between two anniversaries (1998–2003): Writers, critics and literary critics about the work of A. I. Solzhenitsyn: almanac*. Moscow, Russian way, 2005, pp. 90–93 (in Russian).

Поступила в редакцию 05.06.2022; одобрена после рецензирования 29.08.2022; принята к публикации 12.09.2022

The article was submitted 05.06.2022; approved after reviewing 29.08.2022; accepted for publication 12.09.2022